

Чжао Цзинжэнь лично препроводил Лу Силая в сырые и холодные казематы Небесной тюрьмы. Оказавшись за решеткой одиночной камеры, Лу Силай окинул взглядом развешанные снаружи орудия пыток, а затем перевел взор на Нинъян-вана, величественно восседавшего за грубым столом. Он судорожно вцепился в деревянные брусья и с трудом сглотнул — он вынужден был признать, что Чжао Цзинжэнь напугал его до смерти.

В камере застыли двое надзирателей, поэтому Силай не решился заискивать. Напустив на себя храбрость, он выкрикнул:

— Нинъян-ван! От составления протокола до осмотра тела и судебного заседания — всё должно идти своим чередом. Вы... вы не имеете права на самосуд!

Чжао Цзинжэнь молчал. Свет падал ему в спину, скрывая лицо в густой тени, но он кожей почувствовал его усмешку.

Князь взял со стола чашку, отпил глоток и поставил обратно. Тихий стук дерева о дерево заставил Силая вздрогнуть. Он уже собирался, набравшись духу, продолжить, когда Чжао Цзинжэнь, медленно раскрывая веер, заговорил:

— И кто же это сказал?

Силай нервно ковырял ногтем зазубрины на решетке.

— Янь Шэнь сказал, — ляпнул он первое, что пришло в голову.

— А если я скажу — нет?

Ледяной озноб прошел тело от стоп до затылка. Лу Силай по-настоящему испугался: перед ним был не тот Чжао Цзинжэнь, которого он знал. Неужели он и впрямь собирается его избить?

— Линь Яньдун, я даю тебе шанс.

Лу Силай вскинул брови, наконец осознав, что князь не шутит. Он медленно опустил голову и уставился на собственные босые ноги, не проронив ни слова.

Он боялся смерти. Боялся боли. Убийства он не совершал, но и признать вину Янь Шэня не мог.

Приняв это молчание за отказ, Чжао Цзинжэнь не стал больше ждать. Он сложил веер, спрятал его в рукав и, заложив руки за спину, неспешно подошел к решетке.

— Позовите еще людей, — бросил он надзирателям.

Услышав, как стражники выходят, Лу Силай поднял голову. Он, со слезами на глазах, всё ещё надеялся.

— Чжао Цзинжэнь, ты правда собрался меня бить?

Тот ответил без тени эмоций:

— Лу Силай, ты сам на это напросился.

Лу Силай едва не расхохотался от нелепости этих слов:

— На что я напросился?! Разве это я нанял убийц? Чжао Цзинжэнь, ты лучше меня знаешь, кто их подослал и чьих рук это дело!

Князь прищурился, пропустив эти слова мимо ушей.

— Ты решил войти сюда вместо Янь Шэня — вот на что ты напросился. — Он обернулся и тронул пальцем одно из висевших рядом орудий пыток. — Всё это предназначалось ему. Но раз ты пожелал стать его тенью, я исполню твою волю.

Лу Силай, для которого любая царапина была сродни пытке, хотел было возразить, но в камеру уже вошли с десятков дюжих тюремщиков. Он мгновенно смолк. Двое надзирателей, повинувшись кивку князя, грубо выволокли его наружу.

За последние семь лет он не раз бывал на волосок от гибели, но никогда еще не чувствовал себя столь загнанным в угол. Прежде у него всегда был выход: если не мог сбежать — заговаривал зубы, если не мог заболтать — притворялся мертвым. Но даже если всё это не помогало, он не унывал.

Ведь у него был Чжао Цзинжэнь.

Да, эта мысль приносила крупицу покоя. Чжао Цзинжэнь не тронет его... не может тронуть. Разве этот человек не должен был всегда оставаться в тени, с мягкой улыбкой на лице, готовый в любой момент прийти на помощь?

Он продолжал верить в это даже тогда, когда опустился первый удар палки.

— А-а-а!!

От боли Лу Силай едва не прикусил язык. Он мгновенно расплакался.

— Больно... как же больно!

Палачи не дали ему перевести дух. Следующий удар обрушился на спину, вырвав новый истошный вопль.

— А-а-а! Больно, больно!.. Мамочки!..

— У-у-у... Чжао Цзинжэнь... чтоб тебя... сука... твою мать... чтоб вы все подохли... А-а-а! Убивают! Смерть моя пришла!

Надзиратели, за плечами которых были сотни казней, впервые чувствовали себя столь неловко. Они били с обычной силой, но этот человек орал так, словно с него живьем сдирали кожу. После пятого удара он выл надрывнее, чем иные после пятидесятого.

Это... это даже льстило их профессиональному самолюбию.

Силай сорвал голос. Поняв, что мольбы не помогают, он захрипел сквозь слезы:

— Чжао Цзинжэнь, ты... скотина... ах... ты ради какого-то Чжао Ииня... бьешь меня... а-а-а!

Сидевший в стороне князь взглянул на залитого слезами и кровью Лу Силая. Он оставался бесстрастным, но сжал кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони.

Каждое слово Силая, точно долото, вгрызалось в его сердце.

«Ради Чжао Ииня»? Да ради кого он подставил самого себя под удар?! Виноват во всем, а еще и смеет обвинять...

Сегодня Чжао Цзинжэнь бил его не за принца и не за канцлера. Он вымещал на нем пламя ярости, которое пожирало его изнутри.

Лу Силай изнывал от муки, но продолжал выкрикивать проклятия, перемежающиеся рыданиями:

— Чжао Цзинжэнь, запомни этот день... с этой минуты... у-у-у... между мной, Линь Яньдуном, и тобой больше нет...

— Довольно!

Не выдержав, Чжао Цзинжэнь рывкнул и с силой швырнул чашку на пол. Фарфор разлетелся на тысячи осколков, один из которых полоснул Силая по щеке, оставив кровавый след.

Лу Силай осекся. Даже палачи замерли.

Увидев кровь, смешавшуюся со слезами на лице Лу Силая, князь почувствовал, как в душе всё перевернулось. Он резко отвернулся.

— Заткните ему рот!

В рот Силаю грубо запихали тряпку. Тонкая струйка крови стекала по его щеке к подбородку. Лу Силай бессмысленным, остекленевшим взглядом смотрел, как капли падают на грязный пол.

Одна, вторая, третья... Кровь смешивалась со слезами, становясь всё бледнее. Лу Силай чувствовал, как его воля окончательно рушится.

Когда-то его сердце уже было разбито вдребезги. Он потратил годы, чтобы склеить осколки. Получилось криво, нескладно, он никогда не выставлял его напоказ и казался всем беззаботным шутом. Но сегодня Чжао Цзинжэнь нашел это сердце и снова разорвал его на части.

За что?! За что он так с ним?!

«М-м-м... у-у-у...»

Крики сменились глухим стоном. Каждый новый удар отдавался болью в груди самого князя. Чжао Цзинжэнь зажмурился, из последних сил сдерживая желание броситься к нему и остановить это безумие. Он знал: стоит ему увидеть эти глаза, полные слез, и от его гнева не останется и следа.

Спустя вечность один из надзирателей остановился:

— Ваше высочество, он в обмороке.

Чжао Цзинжэнь резко обернулся. Лу Силай висел на цепях, больше похожий на безжизненную куклу. Он бессильно уронил голову на грудь, его губы побледнели, а под ногами расплылась лужа слез и крови.

Князь почувствовал горечь во рту, но голос его прозвучал твердо:

— Продолжайте.

Обычно преступников приводили в чувство ледяной водой или откладывали допрос. Тюремщики переглянулись, не понимая, зачем бить бесчувственное тело, но спорить не посмели. Удары посыпались вновь — глухие, точно по мешку с песком. Надзирателям становилось не по себе. Лишь спустя двадцать ударов князь наконец произнес:

— Довольно. Уходите.

Когда последний стражник покинул камеру, вся властность мгновенно покинула Чжао Цзинжэня. Он тяжело опустился на стул, чувствуя себя опустошенным.

Как они дошли до этого?

Он вспомнил их первую встречу в поместье Юй. Им обоим было по семь лет. В первый же день занятий маленький Чжао Цзинжэнь блистал остроумием, и великий мудрец Юй не скупился на похвалы. А другой мальчик сидел рядом, молча ковыряя пальцем столешницу, словно его и вовсе не было.

После уроков Силай всегда исчезал. Чжао Цзинжэнь нашел его в саду среди цветов: тот закрывал лицо пухлыми ладошками и ныл: «Уходи, уходи!»

Тогда Чжао Цзинжэнь с торжеством силой отнял его руки от лица и с первого взгляда влюбился в это выражение детского отчаяния. Он решил, что если подчинит себе этот хрупкий мир, то сможет обладать этим созданием вечно.

И у него получилось. Силай, который всегда был на голову ниже его в талантах, никогда не смел ему перечить. Он, может, и не сиял умом, но всегда смотрел только на него. Что бы Чжао Цзинжэнь ни делал, Силай принимал всё: и ласку, и вспышки гнева. Стоило крикнуть: «Лу Силай!», и тот послушным щенком бежал на зов.

Они росли вместе, и князь знал о нем всё. Знал, что тот спит только на спине и обожает сладкое. Знал, как сильно он боится боли и как легко тает его сердце. Знал, что за скверным характером скрывается самая чистая душа на свете.

Он всё это знал... и всё равно не смог удержаться, чтобы не обвинить его.

Если бы не та трагедия, Лу Силай сейчас бездельничал бы в его поместье, и они проводили бы дни в праздности и неге, как в те времена... до того рокового крика «Проваливай!».

Лишь когда Чжао Цзинжэнь понял, что потерял его, ему стало по-настоящему страшно. Он никогда не думал, что на его зов никто не придет.

За эти семь лет Лу Силай изменился — и в то же время остался прежним. Но та маленькая ладонь, которую князь привык сжимать в своей руке, ускользнула. Эти семь лет Силай жил своей жизнью: пел какие-то песни, встречал каких-то людей, читал какие-то книги. И во всем этом не было места Чжао Цзинжэню.

Единственной нитью был почтовый голубь, но когда князь примчался на зов, он нашел лишь письмо и ребенка по имени Янь Шэнь. Семь лет назад Лу Силай вычеркнул его из своей жизни. В его сердце нашлось место для случайных встречных и мимолетных пейзажей, но не для него.

Как и сейчас: он готов был терпеть унижения от Янь Шэня, готов был дать забить себя до смерти, лишь бы не возвращаться под крыло князя.

Чжао Цзинжэнь поднялся и медленно подошел к Силаю. Присев перед ним на корточки, он осторожно взял его лицо в свои ладони. Поправил спутавшуюся челку и приник поцелуем к закрытым векам.

— Но Лу Силай... — прошептал он в тишину камеры. — Никто не знает тебя так, как я. Только я вижу, когда ты притворяешься, и только я знаю, сколько ударов ты сможешь вынести.

<http://bllate.org/book/17426/1697468>